

УЧИТЕЛЬ! Я ПОЙДУ ЗА ТОБОЮ, КУДА БЫ ТЫ НИ ПОШЕЛ

(Продолжение, начало в №2, №4, 2017 г.)

Любая либеральная реформа, в какой бы сфере она ни осуществлялась, в первую очередь предполагает внедрение в эту сферу рыночных отношений, когда все измеряется прибылью и выгодой. Но есть такие области человеческого бытия - прежде всего это культура и образование - для которых подобные категории разрушительны.

Нынешняя реформа образования ставит в условия рыночных отношений учителя и государство, учителя и ученика, когда знание становится товаром, учительское умение - образовательной услугой, когда ученик и его родители делают потребительский заказ, и отчитываться за его выполнение целым ворохом бюрократических бумаг учителю приходится как по товарным накладным.

Можно долго рассуждать о том, что такое положение дел отодвигает на задний план само содержание образования, сжимает знание до предельного минимума, на что и направлены ЕГЭ и внедрение Болонской системы - но в действительности проблема гораздо глубже. Либеральное реформирование самой образовательной системы, ее деконструкция - это лишь внешние действия, отвлекающие от истинной задачи реформаторов.

Учительство в нашей традиции всегда было категорией

сакральной. Не менее сакральной, чем государство, семья, справедливость. Истоки учительства в духовном наставничестве. В Евангелии отношения Спасителя и апостолов - это отношения Учителя и учеников: «Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел». Именно Священное Писание определило духовную суть учительства и ученичества: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его». Ученик и учитель - не соперники, а соделатели, у которых общее направление - к «свету разума».

Не случайно в XIX веке слова «просвещение» и «воспитание» звучали чаще, чем «обучение». Первостепенно было напитать душу спасительными смыслами и просветить сердце Истиной. «Воспитатель в отношении нравственном сам должен быть тем, чем он хочет сделать воспитанника», - скажет Владимир Иванович Даль, как никто другой чувствовавший корневую основу каждого русского слова. Учитель как пример и ориентир для ученика, будучи загнанным в систему координат «клиент-исполнитель», никогда не сможет ни раскрыться сам, ни подступиться к сложной природе ученика, даровать ему на всю жизнь «щит над сердцем».

Мысль о первостепенности воспитания уже в XX веке разовет философ Иван Ильин: «Кто желает воспитать ребенка, тот должен пробудить и укрепить в нем духовность его инстинкта. Если дух в глубине бессознательного будет пробужден и если инстинкт будет обрадован и осчастливлен этим пробуждением, то в жизни ребенка совершится важнейшее событие, и дитя справится со всеми затруднениями и соблазнами предстоящей жизни: ибо «ангел» будет бодрствовать в его душе, и человек никогда не станет «волком»». Подлинное воспитание выше педагогических приемов и психологических установок и категорий бессознательного, превращающих человека в раба собственных инстинктов. Одухотворение природы человека, пробуждение в нем ангела и усмирение волка – сверхзадача учителя. Ее невозможно выполнить в рамках «коучинга», «тьютинга» и «образовательного консалтинга».

«Будьте сами и человеком, и младенцем, для того чтобы учить ребенка» - эти слова Владимира Одоевского о сочетании в учителе мудрости и зрелости с простотой и чистотой возвращают к Евангелию и Христову завету «будьте как дети». Подобная детскость Алеши Карамазова притянула души мальчиков и заронила в них мысль о спасительных воспоминаниях детства.

Этот христианский свет смирения, непорочности, жертвенности, просиявший в образе Алеши Карамазова, озарил и образы учителей в досоветском и советском искусстве. Писатели, поэты и режиссеры хранили, созидали и воспевали образы наставников как самые заветные воспоминания детства.

Рассказ «Песчаная учительница» Андрея Платонова – это притча о возделывании человеческой души, которая, брошенная, оставшаяся без оратаря, попечителя и утешителя, рискует превратиться в пустыню, утонуть в песке или быть поработанной кочевниками, что вытопчут робкие зеленые ростки и иссушат колодцы. Платоновская учительница – самозабвенный благодетель, насаждающий чудесные леса, открывающий живительные источники. Это эколог души, эколог знания, эколог добра.

Или «Обелиск» Василя Быкова, где учитель Мороз взшел на Голгофский крест. Этот проповедник труда, чести и справедливости, заступник обиженных, охранитель слова научил детей главному: быть людьми и не предавать Отечества. Это о таких, как он, сказано: «в том, что мы сейчас есть как нация и граждане, главная заслуга сельских учителей».

Или «Уроки французского» Валентина Распутина, доказывающие, что для учителя чужих детей не бывает. Не бывает чужой беды, чужой тоски, чужой тревоги и одиночества. Порой учитель приходит к нам милосердным самарянином, врачует наши раны – душевные и телесные. А если обнаруживает в близком сердце пустоту, заполняет ее теплом и светом.

Потому неопровержимы слова Сергея Михалкова: «Учитель! Его образ живет в сердце рядом с самыми дорогими нам образами матери и отца, а иногда в этом сердце занимает первое место». Это родительское место учителя в сердце ученика мы наблюдаем на живописных полотнах и советских плакатах, когда молодая учительница впервые заводит учени-

ков в класс или когда седовласого учителя обнимает благодарная школьница.

Одновременная учительская молодость и зрелость не зависит от возраста. Твердость, целеустремленность, внутренний стержень сопряжены в учителе с постоянным поиском смыслов, определением оттенков слов и характеров, со все более глубоким осознанием сути вещей. Именно таким показал нам своего героя Мельникова Станислав Ростоцкий в фильме «Доживем до понедельника». Такой учитель становится для учеников нравственным мерилom на всю жизнь. Если у тебя был такой учитель, ты никогда не сможешь слукавить, сподличать, смалодушничать.

А еще были «Весна на Заречной улице», «Большая перемена», «Печники», «Дневник директора школы» и множество фильмов с положительно прекрасными образами учителей.

И это не выдуманные персонажи, не собирательные образы, не представления об идеале. Именно у таких учителей многие из нас учились, именно такими мы их знаем и чтим. От них наша честь, от них наша историческая память, через них мы осознали себя. Они отделили нам зерна от плевел. Они научили нас быть сильными.

Последние десятилетия всех пытались убедить в обратном,

всем внушали, что мы учились у иных учителей. В литературе и кинематографе образ учителя замазывали грязью, его выставляли то истеричным, то развязным, то отчаявшимся. «Дорогая Елена Сергеевна», сериал «Школа», «Как географ глобус пропил», «Училка», зачастую скопированные с западных шаблонов, демонстрировали, что учитель – это неудачник на обочине жизни, подневольный человек, утративший всякий авторитет.

Вот самый страшный удар, нанесенный по образованию. В результате ученик начал пренебрегать учителем, а ведь так запускается механизм самоуничтожения. С измельчением учительства, с усечением его роли в нашей жизни измельчает и наше слово, окончательно затуманится наша память, мы станем предельно уязвимы, растеряем свои святыни, утратим постоянные величины и точки опоры.

Если возможен сегодня госзаказ в сфере культуры, то пусть первым таким заказом станет создание светлого образа учителя, очищение его от хулы и клеветы. Пусть найдутся творцы-подвижники, которые восстановят в памяти лики и судьбы своих наставников и через слово, кисть или кадр явят их нам, как обновившуюся икону.

ВОПРЕКИ ТЕСТОВОМУ МЫШЛЕНИЮ

Когда наше поколение первым в стране сдавало ЕГЭ по русскому языку, а учителя еще учили, а не «натаскивали», все относились к этой угадке как к какому-то недоразумению, заведомо провальному эксперименту, времен-

ному помешательству чиновников от образования.

Но уже через пять лет на обзорных лекциях к госэкзамену нам, будущим учителям-словесникам, преподаватель сказал: «Поверьте, очень скоро знание русского язы-

ка будет цениться у нас гораздо выше, чем знание иностранного». Тогда эти слова мы восприняли с улыбкой: знание генетически родного языка, на котором мы думаем, на котором преподаются все школьные предметы, не может, казалось нам, стать дефицитным.

Но спустя еще несколько лет, когда один старшеклассник на вопрос «какую последнюю тему вы изучали по русскому языку?» ответил мне – «А10», стало понятно, что наш преподаватель был прав. Стало понятно, что ЕГЭ пустило прочные корни не просто в систему образования, но и в сознание учеников, истощив плодородную почву, задушив, как сорняк, ростки творческого мышления и фантазии, проредив словарный запас. Стало понятно, что учителя в большинстве своем к ЕГЭ приспособились: утрамбовали в него и собственные знания, подверстали под него и собственное мышление.

Сегодня ЕГЭ - это уже целая индустрия с неисчислимыми пособиями и пробными вариантами на полках книжных магазинов, с сайтами и видеоуроками в Интернет-пространстве. Под ЕГЭ с начальной школы выстраиваются поурочные планы, под него пишутся учебники, в страхе от ЕГЭ школьники бегут к репетиторам по всем предметам, фактически обрекая себя на вторую, «вечернюю», школу, лишаясь возможности заниматься в творческих кружках и спортивных секциях, изучать различные предметы шире скудной школьной программы.

Сторонники ЕГЭ приводят в его защиту забавные доводы. Так, например, от одного профессора я слышал, что ЕГЭ хорош тем, что

о нем можно написать много диссертаций по педагогике.

Или суждение о том, что для написания заявлений, справок и докладных егэшных знаний вполне достаточно. Интересно в связи с этим сетование некоторых современных филологов на то, что в школьной программе изучается преимущественно художественная литература в ущерб публицистическим статьям, научным работам и официальным документам. Но художественная литература (русская уж точно!) способна явить ученику словесность во всей ее полноте. Кроме того, лично мне хватило однажды всего двадцати минут урока русского языка, чтобы на всю жизнь понять принципы работы над официальными документами.

Или более распространенное суждение сторонников ЕГЭ о том, что за счет сертификата для выпускников упростилось поступление в иногородние вузы. Но здесь содержание пытаются оправдать формой. Да, выпускной экзамен, ставший одновременно вступительным, значительно облегчил жизнь абитуриентам. Но зачем его наполнили тестовым содержанием, когда четырнадцать лет назад вполне можно было ввести, например, «единое государственное сочинение» - новое по форме аттестации, но старое, надежное по форме обучения.

Нынешние попытки возродить сочинение по литературе восторгов не вызывают. Во-первых, учителям приходится восстанавливать для себя забытую методику написания сочинения. Во-вторых, сознание самих учеников атрофировалось. Оно стремится превратить всякое живое слово в тест-

вую галочку, упрямо требует шаблона, клише, жесткой композиции, затвердевших фраз, которые можно было бы применить к любой теме и проблеме, к любому художественному произведению.

Потому необходимо бороться не с ЕГЭ, а с тем следствием, которое он породил, – с тестовым мышлением. Все, кто хоть немного изучал психологию, знают, что человеческое сознание включает в себя несколько познавательных процессов: ощущения, восприятие, внимание, воображение, память, мышление и речь. И последние два взаимосвязаны особо: развитое мышление обогащает речь, а богатая речь делает мышление более оригинальным и динамичным. И тест разрывает в первую очередь эту связку. Всякое задание в форме теста, особенно если типовых примеров решено много, превращается в своеобразный условный рефлекс, «стимул-реакцию», когда между вопросом и ответом стоит не знание, не суждение, а отработанный бездумный навык. Зачастую ученик, который из четырех слов во время теста делает правильный выбор, в диктante в этих же словах допускает восемь ошибок.

А если между вопросом и ответом нет ни мышления, ни речи, то не нужны ни память, ни воображение, ни внимание. Так мы скатываемся на уровень первобытного человека, жившего исключительно ощущением и восприятием.

При этом резко отказываться от тестовой формы и возвращаться к традиционным изложениям и сочинениям, на мой взгляд, нежелательно. Сознание нынешних

учеников к этому не подготовлено, они могут растеряться и запаниковать, как мы в свое время при резком переходе от сочинения к ЕГЭ. Тестовое мышление по своей сути – это мир, сжатый в точку. Эта точка неустойчива, но все же на нее можно опираться. Эту точку надо сначала растянуть в линию, затем из нее возникнет плоскость, а затем – объем.

По своему опыту знаю, как в самом начале этого пути помогает сочинение по картине. Сначала ученик, отвыкший изъясняться образным словом, упорно твердит, что ничего особенного в картине не видит, ничего в ней не понимает, ничего о ней сказать не может. Но ты упорно ведешь его по изображению, как по заснеженной дороге, учишь обращать внимание на детали, цвета и оттенки. И во «Ржи» Шишкина ученик замечает тропинку, а на заднем фоне саврасовских «Грачей» – церковь, ученик пытается найти в этом смысл, связь между явным и неявным. И сжатый в точку мир постепенно расширяется. Мир, что живет в русских сказках и словаре Даля, в поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина и Твардовского, в прозе Толстого, Достоевского, Шолохова, Платонова и Пришвина.

Русский язык и русская литература огромны. Их невозможно, как сияющую свечу, долго держать под спудом. Слово оживотворяет все. Оно превозмогает самые страшные беды и вытаскивает на себе самые тяжелые ноши. Осознанно или подсознательно, вопреки тестовому мышлению, юное поколение воспримет это слово, однажды услышит и произнесет его.